

Чайковский П.И.

06.05.98

Роман. правды. - 1998. - 6 мая. - с. 6.

НЕКРУГЛАЯ ДАТА

Петр Чайковский:

Испытал ли я полноту счастья в любви? Нет, нет, нет!!!

Некоторые подробности личной жизни великого русского композитора

«Руки прочь от частной жизни творца!» - как часто приходится слышать это восклицание. В качестве аргумента приводится довод морального толка: нельзя читать чужие письма. Но письма читают и публикуют, а о сокровенном говорят и пишут. Потому что избранничество - крест. Остался в веках - веками и будут судачить.

Внучатая племянница Чайковского, дочь его племянника Юрия Ксения Юрьевна Давыдова всю жизнь служила своему выдающемуся родственнику: состояла в переписке с целым миром, по кусочкам собирала письма, документы Чайковского, не одно десятилетие проработала в Доме-музее в Клину. В 1992 году Ксения Юрьевна не стало. Незадолго до этого было опубликовано мое интервью с ней - но лишь частично. «Запретная тема» осталась за кадром.

- Ксения Юрьевна, каким запомнился Чайковский вашему отцу?

- У отца моего было три авторитета: мама, папа и дядя Петя. Петр Ильич часто замешал родителей. Когда они куда-то уезжали, жил с детьми в Каменке, не мог никуда отлучиться. Когда отцу делали операцию, нарыв какой-то вскрывали, кто держал его? Дядя Петя! Хотя сам боялся операций смертельно!

- Чайковский часто сетовал на то, что они похожи с братом Модестом: «Ты слишком на меня похож, и когда я злюсь на тебя, то, в сущности, злюсь на себя, ибо ты вечно играешь роль зеркала, в котором я вижу отражение всех моих слабостей»...

- Чайковского очень тяготило, что Модест Ильич был гомосексуалистом. Он сам бы хотел не быть им. Но уже было поздно себя менять. А Модест Ильич - еще совсем юноша... Натура, так сказать, над ним посмеялась - сделала...

ла... женоподобным, если хотите.

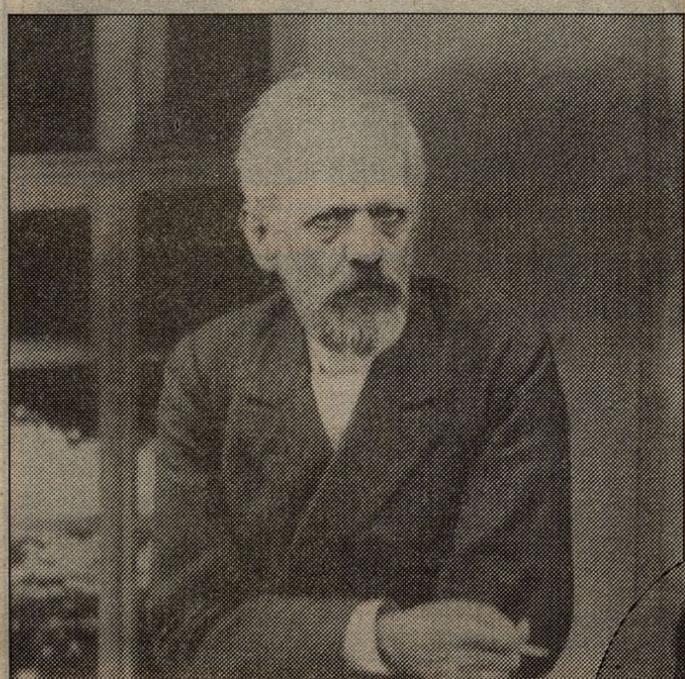
- Но, насколько я могу судить, на Чайковского это не распространялось. Он как раз был...

- Таким же. Но - мужичиной. Все это вопросы человеческих аномалий. Как они рождаются, откуда берутся и как себя чувствуют люди, им подверженные? Не всегда это зависит от разврата или чего-то такого... Есть у Чайковского письма к Модесту Ильичу - из Парижа. Там он был знаком с одним гимназистом, совсем молоденьким, но уже опытным в таких делах. И вот Чайковский после встречи с ним возвращается к себе в отель, а наутро просыпается - с отвращением к самому себе и с сожалением об этом юноше: «Мальчик так развращен, что исправить его уже невозможно», - пишет он Модесту. Значит, даже такие мысли ему приходили, понимаете?

Прежде чем Чайковский понял, что назад пути нет, он достаточно долго пытался переломить «природные наклонности».

Давал зароки, обещания, на правах старшего увещевал брата Модеста (а на самом деле себя!): «Если есть малейшая возможность, старайся не быть таким. В твои лета еще можно заставить себя полюбить прекрасной пол, попробуй хоть один раз, может быть, удастся». Надежды на твердость собственного характера не оправдались, и все-таки 37-летний композитор не сдавался. Победить «аномалию» он задумал поступком. «Я решил жениться. Это неизбежно. Я должен это сделать, и не только для себя, но для всех, кого люблю. Разве не у б и й с т в е н н а я мысль, что люди, меня любящие, могут стыдиться меня?»

Но когда Петр Ильич решил жениться на Антонине Ивановне Милюковой, он плохо представил себе, что такое брак, судил о нем по замечательной семье своей сестры Александры Ильиничны. А Милюкова, кто она? Институтка, выросшая на институтских байках. Все расхваливала ему себя: видите ли, какой-то генерал за

П. И. Чайковский. 1893 г.

Модест Чайковский.

ней ухаживал, еще кто-то...

- Чайковский с ужасом описывал их свадебное путешествие к родне жены в Клину...

- Да потому что семья была ужасная! Во всяком случае, судя по письмам, которые они ему писали. И это вместо того, чтобы как-то стараться повлиять на нее: чтобы она иначе себя вела, сдержаннее, что ли, чтобы не напрашивалась вот так, сразу, на сексуальные отношения, а действительно выполняла бы то, что она ему обещала, - берегла его, ходила за ним. Глядишь, и жили бы они, и были бы у них дети...

Выпускница консерватории Антонина Милюкова как-то сразу, вдруг «прикипела» к Чайковскому, стала забрасывать его любовными посланиями. С заверениями, что она честная девушка, с угрозами, что наложит на себя руки в случае отказа, все - детским почерком, без запятышек. А в это время он создает «Онегина» и проникнут сочувствием к отвергнутой Татьяне. Но Антонина Ивановна оказалась слишком обыкновенной, чтобы увлечь Чайковского. На ее женскую сексапильность он не реагировал, а больше ей было нечего ему предложить... «Как в сердце, так и в голове Антонины Ивановны полная пусто-

та. Она ни единого раза не обнаружила ни малейшего желания узнать, что я делаю, в чем состоят мои занятия. Она не знала ни единой ноты из моих сочинений. Этот факт меня поставил в совершеннейший тупик», - писал обескураженный композитор.

А если бы на месте Антонины Милюковой была другая? Ксения Юрьевна уверена, что Чайковский - во всяком случае сначала - вовсе не чуждался женского общества.

- Анатолий Ильич (брат Чайковского), тот был любителем женского пола. В 1871 году у него случились неприятности с какой-то женщиной, так Петр Ильич ему пишет: не стоит огорчаться, ах, вспомни, что мне устроила Гульда...

- Кто? Гульда! Какая-нибудь женщина легкого поведения! Вы думаете, он не ходил? Пожалуйста, своей компанией отправляются на Страстной бульвар: Николай Григорьевич Рубинштейн, Петр Иванович Юргенсон, Петр Ильич Чайковский. Всем известно, что там были за дома! Так что сказать, чтобы он совсем был чужд женщин, - нет...

- У Петра Ильича была и настоящая любовь - Дезире Арто...

- Да, он любил ее. Знаете, уже порядочно лет тому назад один мой знакомый, будучи за границей, встретился с дочерью певицы Лолой. Она и

передала ему то, что когда-то говорила ее мать о своих отношениях с Чайковским: «Мы не были просто увлечены друг другом - мы были убеждены, что созданы друг для друга!»

Двадцативосьмилетний композитор без памяти влюбился во французскую певицу Дезире Арто и уже помышлял о женитьбе. Но она предпочла ему другого. «Нужно знать подробности наших отношений с ней, чтобы иметь понятие о том, до какой степени эта развязка смешна», - писал уязвленный Чайковский. Свои превосходные романсы на стихи французских поэтов он посвятил Дезире - Желанной.

Анатолий Чайковский.

- Ксения Юрьевна, была ведь и еще одна женщина, которая занимала в жизни Чайковского совершенно особое место. Это Надежда Филаретовна фон Мекк.

- То были сложные отношения. Она помогла, охраняла его, понимала всю силу его гения. Чайковский платил ей абсолютной искренностью. Да и как иначе - фон Мекк была слишком умна. Очень тонкая, непростая натура: всегда стремилась к возвышенному - к музыке, к искусству...

- Очень странным был их разрыв. Надежда Филаретовна «обрубила» переписку и, кажется, с тех пор перестала оказывать Чайковскому всяческую материальную помощь.

- С тех пор, как вдова богатого промышленника Надежда Филаретовна фон Мекк написала Чайковскому (тогда совсем неизвестному композитору) восторженное письмо и предложила материальную поддержку, жизнь Чайковского стала более надежной. Он посвящал Надежду Филаретовну во все свои творческие замыслы. «Я не встречал в жизни еще ни одной души, которая бы так, как Ваша, была мне близка», - писал ей Чайковский.

Надежда Филаретовна не хотела, чтобы они встречались. Пусть лучше у них будет роман в письмах - уж его-то не нарушат тяготы быта, а значит, у него не будет плохого конца! Но конец все-таки наступил. Их переписка - по красоте мысли и слога, по ласковой доверительности тона - достигла своего апогея. Дальше - или конец, или но-

вая ступень. Она поняла это и стала ждать. Но Чайковский не сделал никаких попыток к сближению. Фон Мекк была немолода и некрасива, к тому же нелюдима. Он же всегда обращал внимание на возраст, внешность - на форму рук (и даже пальцев!).

Надежда Филаретовна ждала долго. А когда, на склоне лет, поняла, что ждать больше нечего, порвала. Бесповоротно и навсегда. Через три года после их разрыва композитор умер. Конечно, всему виной - неожиданная, ужасная болезнь. И все-таки... Отлетел ангел-хранитель - не стало Чайковского. При жизни они так и не встретились...

Ксения Юрьевна всегда верила, что Чайковский мог бы стать иным - будь на то воля providения. Но судьба не послала ему той самой, единственной.

Если бы Дезире Арто его не покинула, если бы Надежда Филаретовна была молода и прекрасна, если бы Антонина Ивановна оказалась такой же умной и тонкой, как фон Мекк... Кто знает, быть может, Чайковский всегда томился по этому шемдяне-сбыточному «если бы»? Как-то в письме к брату Анатолию он признался: «На меня находит иногда сумасшедшее желание быть обласканным женской рукой». И, словно в продолжение своей мысли, к фон Мекк: «Вы спрашиваете, знакома ли мне любовь неплатоническая? И да, и нет. Если вопрос этот поставить иначе, т. е. спросить, испытал ли я полноту счастья в любви, то отвечу - нет, нет, нет!!! Впрочем, в музыке моей имеется ответ на этот вопрос...»

...В конце интервью я поделилась с Ксенией Юрьевной своими опасениями - наверняка многие возмутятся: «Не трогайте частную жизнь! Достаточно музыки!» В ответ Ксения Юрьевна только пожалала плечами:

- Для меня одно с другим нерасторжимо.

Татьяна СИДОРОВА.

Надежда Филаретовна фон Мекк.

Дезире Арто.